

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 821.161.1

Мотив «больная душа» в лирике Я.П. Полонского 1860-х годов

Татьяна Васильевна Федосеева

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина
г. Рязань, Российская Федерация, t.fedoseeva@rsu-rzn.ru

Аннотация. Анализ лирики Я.П. Полонского проводится с целью прояснения антропологической модели творчества поэта петербургского периода. Показано, что мотив «больная душа» служит выражению разрушительного воздействия сомнений, порожденных историческим временем. В лирике Полонского трагедия антропологической модели романтизма преодолевается через утверждение соборного чувства и деятельной христианской любви.

Ключевые слова: лирика Я.П. Полонского, мотив «больная душа», романтическая традиция, историческая трактовка

Для цитирования: Федосеева Т.В. Мотив «больная душа» в лирике Я.П. Полонского 1860-х годов // Русская филология и национальная культура. 2025. №4(17). С. 1-8. Доступно по ссылке: <https://filolog-rgu.ru/wp-content/uploads/st27-2025.pdf>

Original article
УДК 821.161.1

The Motif of the "Sick Soul" in the Lyrics of Yakov Polonsky in the 1860s

T.V. Fedoseeva

Ryazan State University named for S. Yesenin
Ryazan, Russian Federation, t.fedoseeva@rsu-rzn.ru

Abstract. The analysis of Ya. Polonsky's lyrics is conducted with the aim of clarifying the anthropological model of the poet's creativity during his St. Petersburg period. It is shown that the motif of the "sick soul" serves to express the destructive impact of doubts generated by historical time. In Polonsky's lyrics, the tragedy of the anthropological model of Romanticism is overcome through the affirmation of a collective sense and active Christian love.

Key words: Ya. Polonsky's lyrics, the "sick soul" motif, the romantic tradition, and historical interpretation

Введение. Общеизвестно, что XIX век прошел под знаком антропологической мысли, стремления найти «человеческое в человеке», как это определил Ф.М. Достоевский. Мысль о человеке является центральной в философии и литературе романтизма, когда и был заявлен мотив «больная душа». Исследуя пути философской антропологии, И.П. Смирнов возводит к эпохе Возрождения постановку вопроса о временном и вечном в природе человека как его способности выходить за собственные пределы (трансцендентность) или быть самодостаточным в мире (авторефлексия) [6, с. 12]. Мотив больной души в поэтике романтизма, по Смирнову, может быть объяснен противостояние двух антропологических моделей: шопенгауэровой – о познающей себя воле (авторефлексия) и кьеркегоровой – о разрушительной силе самосознания, вызывающей в душе человека отчаяние и страх (трансцендентность). Человек, ограниченный авторефлексией, таким образом, «оказывается открытой возможностью, т. е. ничем, охвачен страхом и болезнями, от которых его спасает только один путь – из авторефлексии в веру» [6, с. 18].

Считаем, что сложившаяся в лирике Я.П. Полонского 60-х годов антропологическая модель является следствием исторически трансформированной романтической модели. Человек в его мире, прежде всего, духовен, а болезнь души представлена как следствие возобладавшего в его окружении отрицания (нигилизма), а в душе – сомнения (авторефлексии). Поэт указывает на выход из этого болезненного состояния в движении из тьмы сознания к свету веры, из одиночества – к полноте христианской любви.

Основная часть. В литературе русского романтизма мотив больной души сопряжен с образом человека мыслящего, одаренного талантом и противопоставленного пошлости обывательского окружения. Высокомерное отчуждение от мира заставляет его ограничить свой мир саморефлексией. О противоречиях души рефлексирующего героя размышлял в своих «таинственных» повестях В.Ф. Одоевский. Его герои сосредоточены на внутренней жизни и теряют связь с внешней, таинственные явления способствуют этому отчуждению и грозят трагическим финалом: неизвестное науке существо уводит героя в мир поэзии и гармонии, где он познает состояние полноты бытия и счастья («Сильфида», 1837); детская игрушка становится проводником в запретное будущее («Косморама», 1841); явление «духа огня», открывшего тайну обращения свинца в золото, становится причиной трансформации души естественного и внутренне гармоничного героя в фанатичного злодея («Саламандра»,); неудачливый поэт, получивший чудесным образом пророческий дар, в конечном счете впадает в безумие («Импровизатор», 1843). Показанное в «таинственных» повестях Одоевского рубежа 1830-х – 1840-х годов пороговое состояние персонажей обнаруживает противоречие между рациональным и иррациональным познанием жизни, связанным с магией и вмешательством потусторонних сил. Эта тема получила свое дальнейшее развитие в русской литературе последующих десяти-

тилетий XIX века, в частности, в повестях И.С. Тургенева и в поэзии Я.П. Полонского.

1860-е годы оказались наиболее трудным в творческой судьбе Я.П. Полонского. Расцвет позитивизма в русской культуре повлек за собой требование от писателей безусловной ясности в выражении общественной позиции и социологического анализа жизненных явлений. Последователи эстетической теории Н.Г. Чернышевского давали поэту различного рода уничижительные характеристики, что, несомненно, сказывалось на душевном его состоянии и творческой деятельности. П.П. Перцов, близко знавший Полонского в последние годы его жизни, писал о том, как тяжел был «весь этот долгий период легкомысленного и обидного “отрицания”» [4, с. 112]. Но и в 1860–1870-х годах, названных Перцовым «антиэстетическими» десятилетиями, Полонский предпочитал оставаться самим собой, и его понимание человеческой природы было ориентировано на вектор духовности. Содержательный комплекс лирики Полонского рассматриваемого периода включает в себя романтические мотивы неприятия героем несовершенного мира, одиночества и болезненной раздвоенности души.

Замечательным в этом отношении является стихотворение «Сумасшедший» (1859). О его герое П.А. Орлов писал как об исключительном, отличном от «тех “обычных”, “нормальных” людей, для которых вражда, распри, войны тоже своего рода обычное, нормальное явление» [3, с. 83]. Своими помыслами он устремлен к идеалу, мечтает о мирной жизни и благоденствии народов, в чем, со всей очевидностью, предвосхищает образ князя Мышкина. Ставя рядом двух героев Е.А. Гаричева (Федорова) видит в них «мечтателей пророческого типа»: «“Высшую гармонию” эти мечтатели пережили сами, в себе они несут ту изначальную чистоту человека, которая им помогает прикоснуться к истине» [1, с. 373]. Подобно герою романа Достоевского «Идиот», «сумасшедший» Полонского пытается изменить действующий порядок вещей и вернуть в мир любовь в качестве главного принципа отношений между людьми.

«Обычные» и «нормальные» люди, которые не задумываются о том, как сделать мир лучше, считают героя Полонского сумасшедшим. Об этом говорит первый стих произведения, построенного в виде монолога героя: «Кто говорит, что я с ума сошел?!». Ему мечта об идеальных отношениях в мире людей кажется реальностью, в воображаемой картине устанавливается порядок, определяемый как «царствие небесное»:

Настало царствие небесное — светло —
Просторно... — На земле нет ни одной столицы,
Тиранов также нет — и всё как сон прошло:
Рабы, оковы и темницы —

Науки царствуют — виденья отошли,
Одни безумцы ими одержимы...
Чу! слышите — поют со всех концов земли
Невидимые херувимы [Полонский, 1896, т. 1, с. 352].

Основанием для идеального состояния мира, возникшего в сознании героя стихотворения, является полное освобождение от эгоизма и духа соперничества, в нем нет больше ни «тиранов», ни «рабов». Человечество объединено небесным благоволением и «невидимые херувимы» «поют со всех концов земли». Осуществленная в воображении «сумасшедшего» мечта, по нашему представлению, может быть соотнесена с заключительным видением Иоанна Богослова в тексте Апокалипсиса – о «новом небе и новой земле», где божественное соединится с человеческим. Таким образом, монолог героя Полонского разворачивается в евангельский контекст: с народов снята «печать проклятья», они отказались от вражды, примирились друг с другом, в их отношениях восторжествовала любовь. Аллюзия на библейский текст позволяет заметить внутреннюю раздвоенность героя: умом он признаёт идею социального рая, тогда как его душе открывается спасительность самоотверженной христианской любви, вне желания подчинить одного человека воле другого, вне эгоизма и внешнего давления властей.

Между тем в финале взволнованного монолога «сумасшедшего» акцент смещается с темы внешнего благополучия народов в «царствии небесном», чудесным образом наступившем на земле, в область внутреннего человека. Из сердца героя Полонского рвется «свободы райской гимн» и, одновременно, в его душе рождается болезненный страх: «И я тянусь, тянусь, как луч, в одну струну... – / Чтò если сердце оборвётся?!» [Там же]. Как писал В.М. Жирмунский, «романтическая душа, такая чуткая к дуновениям бесконечности, кажется хрупкой, способной легко разбиться, потому что слишком великое бремя она берёт на себя» [2, с. 107]. Это «бремя» выносится с трудом и приводит к нарушению целостности сознания, происходящему «не от слабости душевной, а от полноты, от многообразия жизни, *от зовов бесконечного*, звучащих отовсюду» [2, с. 108. *Курсив мой – Т.Ф.*]. По мысли Жирмунского, романтическая душа обречена на то, чтобы разрываться между собственной отзывчивостью на влияния внешней жизни и устремленностью к полноте духовного существования. Именно таков герой стихотворения Полонского «Сумасшедший», его сознание утратило целостность в результате столкновения мечты об идеальных формах «социального рая» с «зовами бесконечного», чем и объясняется лихорадочное состояние, принимаемого окружающими за душевную болезнь.

Представление об идеале как воплощении законов «царствия небесного», которое, как известно, не от мира сего, противостоит в лирике Полонского мотиву больной души персонажа, поддавшегося вполне земным искушениям. Этот мотив развивается в стихотворении «Одному из усталых» (1862) и распространяется с его героя на характеристику всего поколения.

Близкий автору лирический герой ведёт мысленный диалог со своим сверстником и указывает на общую для них причину разочарованности в жизни – «злую современность». Он с сожалением говорит о «повседневной суете», «старческой скупости» сердец и незрелом «ребячестве» «гордого ума», который

считает «бедным», людей нового поколения. Герой Полонского сожалеет о том, что духовные ориентиры поколения романтиков, такие как народная культура, религиозный мистицизм Средневековья, остались в прошлом. По логике его монологического высказывания, современный человек вместе с возвышенностью мечты, потерял целостность души. Новые веяния жизни заставляют забыть не только хранящий память об идеале причудливый мир «фантазии народной», но и духовное подвижничество «титанов» духа предшествующего поколения. Еще более отчетливо неприятие духа времени, ориентированного на материальную пользу, выражено в стихотворении «На железной дороге» (1868). Персонаж, от лица которого в нем ведется речь, помнит о любви к родине, другу, семье, однако все эти ценности отодвинуты на второй план. Первый план занят практическим делом, которому проезжий служит и отдает всего себя, мечтая только о выгодном завершении дела: «Погодя, соловьем засвищу, / Коли дело-то в гору пойдет...» [Полонский, 1896, т. 2, с. 47].

«Деловому» человеку в лирике Полонского противопоставлен герой-мечтатель и герой-идеалист. Однако и герою-идеалисту все труднее было сохранять в прагматический век верность своим духовным привязанностям. Поэт выводит образ героя, колеблющегося между преданностью идеалу и умонастроениями века.

В стихотворении «Двойник» (1862) неуверенность такого человека показана с привлечением архетипического мотива двойничества, ранее актуализированного в творчестве романтиков и получившего широкое распространение в русской литературе XIX века. Мотив двойничества служит воссозданию внутренне противоречивой души человека и обусловлен глубоким проникновением в ее тайны.

Внутренняя раздвоенность героя стихотворения Полонского «Двойник» объективирована двумя образами – сюжет произведения построен на явлении субъекту речи призрака, его alter ego. Нельзя не заметить, что известный сюжет получает у Полонского оригинальное развитие: не сам лирический герой, а явившийся в ночи призрак воплощает лучшую сторону его души. Именно «двойник» наделен способностью тонко чувствовать совершенную красоту природы, внимать «гармонии ночной» и воплощать эту гармонию в поэтическое слово. Он упрекает героя в душевной слабости, страхе перед тайной жизни и в том, что тот позволяет сомнению отравить «живой родник поэзии» [Полонский, 1896, т. 1, с. 427]. Это замечание имеет особенное значение в автопсихологическом контексте личности Полонского, неоднократно говорившего о собственной неуверенности и подверженности внешнему влиянию. Неожиданный финал события снимает изначально драматическое напряжение завязки сюжетного действия в произведении, когда герой шел в лесной глуши «дрожа и замирая». Отчаянное движение навстречу призраку привело к диалогу, результатом которого и стала отповедь «двойника», выступившего в защиту «живого родника поэзии».

Заключительные стихи произведения содержат в себе самоиронию героя стихотворения, который комментирует неожиданную развязку шутливыми словами о том, что призрак был испуган человеком, а не наоборот:

И, не сводя с меня испуганных очей,
Двойник мой на меня глядел с таким смятеньем,
Как будто я к нему среди ночных теней —
Я, а не он ко мне явился привиденьем [Полонский, 1896, т. 1, с. 427].

В других стихотворениях рассматриваемого десятилетия Я.П. Полонский показывает нравственную и этическую несостоятельность героя, безоговорочно принимающего правила жизни нового прагматического века. В стихотворении «Век» (1864) выражена рефлексия лирического субъекта по поводу душевной мелкости современного человека, зараженного нигилистическими идеями, отвергающего духовные смыслы бытия. Во Вселенной таким сознанием распознаётся лишь «брожение сил живых, но бессознательных», в «потоке жизни» видится бесцельное движение, а в человеке – послушная этому движению безвольная частица мира. Материалистическое сознание, по логике лирического субъекта Полонского, разъединяет мыслящих людей, в отчаянных спорах они не слышат друг друга и слепо соглашаются с «веком», принимая навязываемые им правила и подчиняясь общему умонастроению: «Сомненья вновь кипят, ум снова колобродит, — / И снова слушает бедняжка-человек, / Чтó будет диктовать ему грядущий век...» [Полонский, 1896, т. 2, с. 159].

Указывая на то, что нигилизм 1860-х годов обратил человека к мнимым ценностям материального существования и заставил забыть о вечном, Полонский показывает нравственную ущербность души, лишенной духовной опоры. «Болезненная» душа героя его лирики – результат разрушительной рефлексии, сомнения в вере, противоречия между умом и сердцем.

Хотя лирический герой поэзии Полонского 1860-х годов ищет и не находит понимания и поддержки в окружающих его людях, он продолжает служить добру и свету. Такого рода умонастроения отражены во многих произведениях поэта, в частности, в стихотворении «Два голоса» (1860-е гг.).

Построенный в виде диалога двух антагонистов, текст стихотворения позволяет противопоставить две антропологические модели: отрицания и утверждения высшего смысла бытия. Эта философская дилемма раскрывается через взгляд на предназначение поэта и роль поэтического творчества в жизни общества. Первый голос подвергает сомнению вневременной смысл поэзии, привлекая к обсуждению «здравый» рассудок. Он стремится убедить в бесполезности жертвенного служения поэта: «Не к лицу тебе твой терн колючий...», стремление осветить мир «новой зарею» он считает бессмысленным – «Та же ночь лежит над темным людом», а душа современника представляется ему слабой, озлобленной, «забитой роком» [Полонский, 1896, т. 1, с. 266]. Духу отрицания, провозглашенному первым голосом, в стихотворении противопоставлена поэтическая концепция, умиротворяющая бунтарское, разрушительное дей-

ствие: «Безмятежным счастьем вею / Я в мятежные сердца» – утверждается во второй части стихотворения. Финальные его строки выражают авторское *credo* Полонского, состоящее в утверждении безусловной любви к человеку и состраданием ему, в конечном счете – в бескорыстном служении идеалу:

В бездне мрака и сомненья,
Вижу душу я твою, —
Душу в образе телесном,
И ее, духам небесным
Непонятную, люблю [Полонский, 1896, т. 1, с. 367].

Заключение. Как показал анализ, мотив больной души является одним из сквозных в лирике Я.П. Полонского 1860-х годов. Он лежит в основании ряда сюжетов, раскрывающих образ внутреннего человека. Рассмотренные в статье стихотворения позволяют сделать вывод о развитии поэтом сложившейся в литературе романтизма антропологической модели, построенной на противостоянии идеального героя «пошлому» окружению. Такая противопоставленность получает у Полонского осмысление в историческом идейно-философском контексте как следствие агрессивного воздействия прагматичного века на идеалистически настроенную личность. Поэт переносит конфликт внешней жизни во внутренний мир человека и показывает порождаемую этим конфликтом «болезнь» души. Выход из этого болезненного состояния и разрешение трагического конфликта романтического самосознания Полонский находит в утверждении деятельной любви, соборного чувства православного человека.

Список источников

1. Гаричева Е. А. (Федорова Е.А.) Тема безумия в творчестве Достоевского и Полонского // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2007. С. 359–374.
2. Жирмунский В.М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1914. 207 с.
3. Орлов П.А. Я.П. Полонский. [1819–1898]. Критико-биографический очерк. Рязань: Рязан. книжн. изд-во, 1961. 96 с.
4. Перцов П.П. Литературные воспоминания. 1890–1902 гг. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 496 с.
5. Полонский Я.П. Полное собрание стихотворений Я.П. Полонского: В 5 томах. Санкт-Петербург: А. Ф. Маркс, 1896.
6. Смирнов И.П. Два варианта человековедения // Человек человеку – философ. СПб.: Алтейя, 1999. С. 5–36.

References

1. Garicheva E. A. (Fedorova E. A.) Tema bezumiya v tvorchestve Dostoevskogo i Polonskogo. Dostoevskij. Materialy i issledovaniya. [Dostoevsky. Materials and research]. Saint Petersburg, Nauka, 2007, pp. 359–374. (In Russian).
2. Zhirmunskij V. M. Nemeckij romantizm i sovremennaya mistika. [German Romanticism and Modern Mysticism]. Saint Petersburg, Tip. A. S. Suvorina, 1914, 207 p.

3. Orlov P. A. Ya. P. Polonskij. [1819–1898]. Kritiko-biograficheskij ocherk. [Ya. P. Polonsky. [1819–1898]. Critical and Biographical Essay]. Ryazan: Ryazan. knizhn. izd-vo, 1961, 96 p.
4. Perczov P. P. Literaturny`e vospominaniya. 1890–1902 gg. [Literary Memories. 1890–1902]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2002, 496 p.
5. Polonskij Ya. P. Polnoe sobranie stixotvorenij Ya. P. Polonskogo: V 5 tomax. [Complete Collection of Poems by Yakov Polonsky: In 5 volumes]. Saint Petersburg, A. F. Marks, 1896.
6. Smirnov I. P. Dva varianta chelovekovedeniya. Chelovek cheloveku – filosof. [Man to man is a philosopher]. Saint Petersburg, Aletejya, 1999. pp. 5–36.

Информация об авторе

Федосеева Татьяна Васильевна, доктор филологических наук, профессор Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина
e-mail: t.fedoseeva@rsu-rzn.ru

Information about the author

Fedoseeva Tatiana Vasilyevna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor, Ryazan State University named for S. Yesenin
e-mail: t.fedoseeva@rsu-rzn.ru

Дата поступления статьи: 01.12.2025